

УДК 81'286

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ¹

Э.С. Денисова, А.В. Проскурина

Решается проблема формирования национальной языковой картины мира посредством обращения к ресурсам лексической системы русского языка.

Ключевые слова: картина мира; языковая картина мира; языковая универсалия; малые фольклорные жанры; пословицы; поговорки, приметы; загадки, фразеологизмы.

LINGUISTIC WORLD-IMAGE IN THE MIRROR OF THE RUSSIAN VOCABULARY

E.S. Denisova, A.V. Proskurina

This article is devoted to the solution of the problem of the formation of the national language picture of the world by appealing to the resources of the lexical system of the Russian language.

Keywords: world-image; linguistic world-image; linguistic universals; small-size folk genres; proverbs; sayings; superstitions; riddles; phraseological units.

В трудах известного киргизского и российского ученого-лингвиста М.Дж. Тагаева мы находим решение значимых для современного языкознания проблем, связанных со взаимодействием языка, культуры, картины мира и сознания народа. Помещая исследования языка в контекст когнитивной лингвистики, Мамед Джакыпович рассматривает семантическое устройство языка (русского, киргизского) как ментально-языковое пространство, имеющее явно выраженную национальную специфику [1]. По мнению ученого, ментально-языковое пространство формируется на основе языковой картины мира, которая “создается в процессе наивного, бытового освоения мира и представляет собой определенный способ восприятия и организации образа мира” [1, с. 172]. Пристальное внимание к образу мира, явленному в сосуществующих языках, позволяет М.Дж. Тагаеву, вслед за другими лингвистами, прийти к выводу о национальном характере каждого из них: “В процессе развития общества и становления его культуры язык стремится обозначить и закрепить в языковых формах любое событие или факт, значимый для национального коллектива, т. е. в языковых ресурсах получают выражение и постепенно откладываются предписания, нормы и регулятивы

поведения, которыми руководствуется каждый носитель языка” [1, с. 111].

В.А. Маслова, специалист по общему и русскому языкознанию, отмечает, что проблема взаимодействия языка и культуры является одной из центральных в лингвистике [2, с. 58]. Первые попытки решения этой проблемы можно найти в работах известного немецкого философа-языковеда В. фон Гумбольдта [3]. Основные положения его концепции сводятся к четырем тезисам:

1) материальная и духовная культура воплощаются в языке;

2) всякая культура национальна, ее национальный характер выражен в языке посредством особого видения мира;

3) языку присуща специфическая для каждого народа внутренняя форма, под которой понимается мирозерцание, система знаний, репрезентирующая национальный характер данного языка;

4) язык есть опосредующее звено между человеком и окружающим его миром: язык – это “мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека” [3, с. 304].

Гумбольдтовская идея языкового мировидения получила свое продолжение в работах Шарля Балли, И.А. Бодуэна де Куртэне, Р.О. Якобсона и многих других. Действительно, каждый народ по-своему членит мир, по-своему называет его фрагменты. Своеобразие картины мира

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 17-04-00253.

определяется тем, что в ней опредмечивается индивидуальный, групповой и национальный опыт.

Сейчас ученые не сомневаются в том, что язык и культура взаимосвязаны, тесно взаимодействуют между собой, хотя и относятся к разным семиотическим системам. Очевидно и то, что язык – это компонент культуры и орудие культуры, он не может рассматриваться как независимая, автономная система.

Интерес современных исследователей к вопросам взаимодействия языка и культуры послужил толчком к формированию лингвокультурологического направления в изучении языка как выразителя особой национальной ментальности.

Ученые считают, что человек адаптируется к реальному миру тем, что всему в мире дает свое название, определяет его место в мироздании. Каждое слово рождается “с первым актом рефлексии, – писал немецкий филолог В. фон Гумбольдт, – когда человек из тьмы страстей, где объект поглощен субъектом, пробуждается к самосознанию. В поисках языка человек хочет найти знак, с помощью которого он мог бы посредством фрагментов своей мысли представить целое как совокупность единств” [3, с. 301]. Именно так и создается картина мира – связанное представление о бытии, присущее представителям какого-либо этноса.

“Картина мира” – это, конечно, метафора, перешедшая в качестве “рабочей” в разряд многих наук: философии, психологии, культурологии, гносеологии, когнитологии и лингвистики. Но даже среди специалистов одного профиля картина мира не получает достаточно четкого и однозначного толкования. В.А. Маслова, как и другие представители когнитивной лингвистики, считает, что понятие картины мира должно строиться на изучении представлений человека о мире: “Если мир – это человек и среда в их взаимодействии, то картина мира – это результат переработки информации о среде и человеке” [2, с. 63].

К источникам формирования картины мира ученые относят разные виды знания: врожденное знание; знание, полученное в результате практической деятельности, из текстов; выработанное в процессе мышления; внушенное родным языком [3, с. 32–43].

Однако каждый естественный этнический язык имеет особую картину мира, то есть отражает определенный способ его восприятия и организации. Г.М. Байдуков, исследователь алтайской культуры, пишет: “...внутри этноса в один и тот же период могут быть актуализированы различные картины мира, каждая из которых представляет собой определенный ракурс этнокультуры и опре-

деленный вариант кристаллизации этнической традиции” [4, с. 18].

Национально-специфичный характер картины мира объясняется не только лингвистическими (языковыми), но и экстралингвистическими причинами: особенностями развития культуры и истории народа, нормами поведения, идеологией, географическими, климатическими, природными условиями.

Особое место в картине мира занимает и образ жизни народа – оседлый или кочевой. Как известно, кочевой образ жизни исторически характерен для тюркских, монгольских этносов, а также для других народов урало-алтайской языковой семьи, находившихся в ареале кочевого мира. Мамед Джакыпович Тагаев отмечает: специфика кочевой цивилизации заключалась в осознании людьми того, что выжить можно только в своей общине, которая всегда поддержит, придет на помощь в трудной ситуации [5]. В такой историко-культурной среде не мог не быть востребован концепт общинность. Именно он соответствовал потребностям того времени и служил задачам единения людей для защиты своих интересов.

С течением времени этот концепт становится архетипом, “рассыпает” свою семантику в различных языковых формах народного творчества, становится врожденной психической структурой “коллективного бессознательного”, передается из поколения в поколение, продолжая оказывать влияние на поведение людей.

Одним из интересных аспектов изучения картины мира является и вопрос о ее разновидностях [2; 6–9]. Исследователи отстаивают принцип множественности картин мира (КМ): существует столько картин мира, сколько имеется наблюдателей, контактирующих с миром. Традиционно в научной литературе выделяются такие варианты картины мира:

1) научная КМ – это совокупность научных знаний о мире, выработанная всеми частными науками на данном этапе развития человеческого общества;

2) художественная КМ, как и научная, охватывает мир в определенных аспектах: живописи, скульптуре, театре и в других видах искусства;

3) философская КМ представляет собой систему представлений, имеющих умозрительно-отвлеченный характер, независимо от характера этой структуры и от характера слов;

4) наивная КМ – это система представлений, используемых человеком независимо от его знаний или других научных дисциплин и владения научной картиной мира. Данный тип картины мира определяется культурой и ментальностью

эпохи, местом человека в социальном пространстве, его самоидентификацией. Исследование наивной картины мира, как правило, опирается на работы фольклористов, этнографов, культурологов и лингвистов;

5) культурная (или понятийная, концептуальная) КМ – отражение реальной картины мира через призму понятий, сформированных на основе представлений человека, полученных с помощью органов чувств и прошедших через его сознание (коллективное или индивидуальное). Концептуальные картины мира отличаются у разных людей. Здесь взаимодействуют общечеловеческое, национальное и личностное начала.

Как часть концептуальной картины мира следует рассматривать языковую картину мира. Известный лингвист Е.С. Кубрякова отмечает: языковая картина мира, являясь проекцией концептуальной системы нашего сознания, представляет собой “особое образование, постоянно участвующее в познании мира и задающее образцы интерпретации воспринимаемого, это своеобразная сетка, накидываемая на наше восприятие, на его оценку, влияющая на членение опыта и виденье ситуаций и событий и т. п. через призму языка и опыта, приобретенного вместе с усвоением языка...” [7, с. 47]. Таким образом, ученые считают, что языковая картина мира уже, чем концептуальная: первая эксплицирует языковую репрезентацию мира, а вторая включает в себя и языковые, и внеязыковые общешоковые знания.

Под языковой картиной мира в лингвистике традиционно понимают “выработанное многовековым опытом народа и осуществляемое средствами языковых номинаций изображение всего существующего как целостного и многочастного мира, в своем строении и в осмысляемых языком связях своих частей представляющего, во-первых, человека, его материальную и духовную жизнедеятельность и, во-вторых, все то, что его окружает: пространство, время и живую и неживую природу, область созданных человеком мифов и социум” [10, с. 15]. Языковая картина мира предшествует специальным картинам мира, формирует их, потому что человек способен понимать мир и самого себя благодаря языку, в котором закрепляется общественно-исторический опыт – как общечеловеческий, так и национальный.

Особый интерес лингвистов вызывает изучение этнической языковой картины мира. Это понятие является ключевым при усвоении второго и последующих языков: ведь усвоение языка – это и есть усвоение новой языковой картины мира. Чтобы изучить другой язык необходимо, по словам В. фон Гумбольдта, “занять новую позицию

в прежнем видении мира” [3, с. 80], т. е. несколько отдалить объект исследования. Это становится возможным, если рассмотреть собственный язык и культуру с позиций другого языка и культуры. В этом случае появляется возможность осмыслить, интерпретировать и понять их своеобразие во всей полноте. Следовательно, познать языковую картину мира изучаемого языка – значит проникнуться миропониманием народа, говорящего на данном языке.

Исследователи считают, что языковая картина мира репрезентируется всеми уровнями языковой системы того или иного этноса. В частности, фрагменты языковой картины мира могут быть сформированы через такие языковые средства, как лексические, фразеологические, грамматические.

Но наиболее наглядно характер языковой картины мира представлен в лексике. Российский лингвист Л.А. Араева отмечает: “То, как носители определенного языка увидели, осмыслили и оценили мир, его реалии и место человека в нем, задает лексическое своеобразие языковой системы” [9, с. 5].

Наглядной иллюстрацией сказанному может служить слово – основная единица языка и важнейшая единица обучения языку. Это “кусочек” реальности, который приобретает специфические черты, присущие данному национально-общественному сознанию.

Однако признавая ведущий характер лексики в создании языковой картины мира, лингвисты предупреждают о том, что не следует преувеличивать роль изолированного слова в общем видении картины мира. Вот что пишет об этом советский и российский лингвист Ю.Н. Караулов: “Отдельное слово с точки зрения положения его в иерархии аналогично “элементарному объекту”, и поэтому, как и атом, “неразлично” на том уровне, где складывается “картина мира”, хотя в том, чтобы считать каждое отдельное слово элементом картины мира, нет принципиальной ошибки” [11, с. 268].

Действительно, языковая картина мира, национально-культурный ореол слова особенно ярко отражаются в ключевых словах-концептах, словах-образах и символах. Например, к лексическим сферам, отражающим особенности русского мировидения, можно отнести: 1) слова, соответствующие определенным культурно значимым понятиям, существующим во многих языках: правда – истина, свобода – благо, рок – судьба; 2) слова, соответствующие уникальным русским понятиям: тоска, удал, подвиг; 3) слова, имеющие символическое значение для русского народа: огонь, крест, снег; 4) модальные слова, частицы, междометия: авось, небось, как бы, на самом деле.

Особый уровень языковой системы представляет словообразование – одна из самых загадочных сфер языка, по мнению В. фон Гумбольдта. Именно словообразование находится в центре внимания ученых кемеровской дериватологической школы, возглавляемой профессором Л.А. Араевой. Комплексное описание языковой картины мира через обращение к пропозиционально-фреймовому устройству языка позволяет обнаружить специфику мировидения и культурного освоения мира того или иного народа. В подготовленной коллективом авторов монографии [9] мы наблюдаем не только бережно собранную языковую картину мира телеутов, одного из коренных малочисленных народов Севера, но и сравнение отдельных фрагментов мира с аналогичными языковыми картинами мира алтайцев, киргизов, китайцев. Все это позволяет увидеть уникальность культуры телеутского народа.

Исследователи отмечают, что особую роль в создании языковой картины мира играют и фразеологизмы. Признанный классик в области общей и русской фразеологии В.Н. Телия объясняет это [12, с. 15] следующим образом: 1) анализ фразеологизмов позволяет реконструировать культурные смыслы в языковых единицах; 2) изучение устойчивых единиц выявляет способность знаков отображать современное культурное самосознание народа как основу его ментальности; 3) анализ фразеологизмов обнаруживает национально-культурную специфику единиц того или иного языка, извлекаемую на фоне “наивной” картины мира.

Действительно, природа значения фразеологической единицы тесно связана с фоновыми знаниями носителя языка, с его практическим опытом, с культурно-историческими традициями народа, говорящего на данном языке. Не случайно фразеологизмы называют знаками культуры.

Следует отметить, что языковая картина мира реализуется не только на уровне языковых единиц, но и на уровне разного рода текстов. Особенности моделирования, отраженным в разных формах бытования русского языка и его дискурсах, посвящена коллективная монография томского научного коллектива “Картины русского мира” [6]. В центре внимания авторов находится одна из базовых категорий человеческого мышления – категория языка. Фокус исследовательских интересов в монографии сосредоточен на том, как варьируются представления о языке в структуре различных дискурсов – научном и художественном, в фольклорном и медиа-дискурсе, в современной чат-коммуникации и в народной бытовой речи.

Говоря о диалоге языков, диалоге культур, диалоге сознаний представителей разных народов, следует ответить на еще один значимый для меж-

культурной коммуникации вопрос: почему люди, будучи носителями разных языков, понимают друг друга?

Любая культура характеризуется ценностями, традициями, нормами, обрядами, устоями, ритуалами, верованиями и пр., которые отражаются в языках, как родственных, так и неродственных. Культурная обусловленность языка приводит к существованию так называемых универсалий на всех его уровнях. Языковые универсалии – “свойства, присущие всем языкам или большинству из них” [13, с. 535]. В практической части нашей статьи мы обратим внимание на языковые (лексические) универсалии: пословицы, поговорки, загадки, приметы, фразеологизмы, которые с древнейших времен передавались из поколения в поколение. Исследование подобного рода материалов позволяет реконструировать традиционную “картину мира” жителей определенной территории [8, с. 15–16]. Ученые определяют данные единицы как элементы духовной культуры этноса.

Пословицы и поговорки представляют собой универсальные жанры устного народного творчества. И в русском языке, и в языках коренных малочисленных народов им отводится особая роль. “Пословица – краткое, вошедшее в речевой оборот и имеющее поучительный смысл, ритмически организованное поэтическое изречение, в котором народ на протяжении веков обобщал свой социально-исторический опыт” [14, с. 14]. Обычно она имеет двухчастную структуру. Своеобразие пословиц заключается в глубоком поучительном и познавательном потенциале. Так, в русском пословицном фонде существуют пословицы, в которых передается 1) общественно-исторический опыт народа: *глупа та птица, которой гнездо свое не мило; корень ученья горек, да плод сладок; 2) житейско-бытовой опыт народа: насильно мил не будешь; хоть в лесной избушке жить, да за любимым быть; малы детушки – что часты звездушки: и светят и радуют в темную ноченьку; горька работа, да сладок хлеб и др.; 3) народная практическая “философия”, итог великой творческой работы народного сознания: не бывать калине малиною; нет худа без добра; каков сад, таковы и яблоки и др.*

Аналогичные примеры пословиц можно обнаружить и в языках коренных малочисленных народов. Часть пословиц телеутского языка показывает, что с помощью слова можно учить, передавая человеку определенные знания: *Пойың пойыңды мақтаба, кижси мақтазын. – Сам себя не хвали, пусть люди хвалят; Жаитарды үредеге керек. – Слова старших надо слушать и др.* Для эвенкийского народа пословицы тоже выступают ориентиром в жизни, кодексом правильного поведения:

Агй эчэ таткйт биси, уккатва-да нудан алагудявки. – Тайга не школа, а всех учит; Тькмй, дуннэвэ эннэкэл валарэ. Дуннэт – митниэйн, уккатват улйдерэн, умивкандерэн. – Унав, не ругай землю: земля наша мать, всех накормит, напоит; Книга-ва тандянки – дялчй одянкиш. – Книгу читаешь – ума наживаешь и др. [15].

Яркую и точную характеристику пословицам дал сам народ. Пословицы отличаются меткостью (*Пословица не даром молвится*), мудростью (*Глупая речь не пословица*), правдивостью (*Пословица правду говорит*), живучестью и долголетием (*Пословица век не сломится*) и краткостью (*Есть притча короче носа птичья*) [14, с. 14].

Поговорки, в отличие от пословиц, лишены прямого обобщенного поучительного смысла и ограничиваются образным, нередко иносказательным определением какого-либо явления [14, с. 15]. В лексической системе русского языка встречаются такие поговорки, как *ни к селу, ни к городу* (совершенно некстати, невпопад), *как снег на голову* (неожиданно, внезапно появиться), *легок на помине* (появляться как раз в тот момент, когда о человеке говорят или думают), *как горькая редька* (невыносимо, очень сильно надоест) и др.

Возникает вопрос: зачем в своей речи мы используем поговорки? Поговорки способны в особой, образной форме выражать оценку событий в жизни народа и природных явлений (*В апреле земля преет; в зимний холод всякий молод*).

И примету можно отнести к одной из важнейших языковых универсалий. Раньше люди не понимали многих явлений, поэтому искали причинно-следственные связи между определенными событиями, пытаясь спрогнозировать будущее. Если люди замечали, что за одним событием обязательно следует другое, и это повторялось несколько раз, то первое событие в дальнейшем трактовалось как знак, предвестник чего-либо хорошего или плохого.

Так возникла вера в приметы – оменализм (от лат. *omen* – примета), который является одной из самых жизнестойких форм религии. Эта вера не только сохранилась до наших дней, но и подпитывается вновь создаваемыми приметами, например, в студенческой жизни. Давайте вспомним: *если перед экзаменом съесть счастливый билетик, то обязательно повезет*. И наоборот: *если встретишь черную кошку перед экзаменом, то это к неудаче*.

И сейчас многие из нас знают приметы, доверяют им. Вера в приметы определяется и экстралингвистическими факторами: местом проживания, возрастом, профессиональной деятельностью, в целом – жизненным опытом человека. Под приметой понимают малый фольклорный жанр, “рас-

крывающий соотношение между происходящими помимо человеческой воли явлениями и будущими событиями” [16, с. 188].

Приметы как особый жанр народного творчества представляют собой бипропозитивные образования, то есть состоят из двух частей: первая часть обычно отражает наблюдаемый факт (сфера наблюдения), на основе которого во второй части строится прогноз (сфера прогноза). Таким образом, структура приметы, как правило, строится по образцу: “если..., то...”.

Приметы выполняют множество функций, среди них “регуляторная, когнитивная, ритуальная, этическая, этикетная, экологическая, игровая, лингвоэстетическая и даже гигиеническая” [17, с. 4]. Но все-таки основная функция примет – прогностическая. Вспомним несколько примет из телеутского языка: *Если черное наденешь – к покойнику; На подоконник нельзя класть завернутую еду. С подоконника кормят только мертвых*.

Появление последней приметы неслучайно. Дом в традиционной культуре обладал глубоким мифологически-сакральным смыслом. В частности, считалось, что “окна связывают жилище не просто с остальным миром, а с миром космических явлений и процессов, таких, как солнце (луна), стороны света, ландшафт, чередование света и тьмы, дня и ночи, зимы и лета” [18, с. 140]. Через окно осуществляется и символизация связи с миром мертвых.

Приметы обладают и высоким лингвокультурологическим потенциалом, поскольку в них отражен длительный процесс развития народной культуры. Так, исследователи отмечают, что для народа эвенков характерны три хозяйственно-культурные группы: оленеводы, скотоводы и рыболовы. Эти антропологические типы находят отражение и в приметах, ср.: *Оллол гирамналватын аят нэунэкэл, ороор эктын тукатчара: Синкэн тыкулдяңн. – После еды кости рыб не бросай, аккуратно сложи, олени не должны их топтать: дух охоты Синкэн рассердится, и рыба в твои сети не попадет; Орон синдук мисодяран – эдынилдеуэн, тыгдэлдеуэн. – Олень убегает от тебя – будет ветер и дождь* [15].

Жанр народных примет распадается на три группы:

- во-первых, природные приметы, которые, как правило, имеют научное обоснование, связанное с законами природы. Например, *воробьи в яли купаются – к дождю; науки работают – к перемене погоды;*
- во-вторых, бытовые приметы, которые, в отличие от природных примет, характеризуются необоснованностью в естественно-научном

смысле. Например, *потерял обручальное кольцо – брак недолог; в чужом доме поперхнешься – через год снова туда попадешь;*

- в-третьих, календарные приметы, которые закреплены за каким-то определенным временем и не действуют в другие дни. Например, *если на Новый год небо звездное – к урожаю; если гуси улетают на Семен-день, жди ранней зимы.*

Наряду с пословицами, поговорками, приметами особое место в любой национальной культуре занимают загадки. Интересна этимология самого слова “загадка”. Смысл древнего корня слова *загадать* означал *говорить*. Слово *загадка* имело прямое отношение к тому, что произносятся, говорят. Своими корнями загадки уходят в традиционную условную тайную речь древности [14, с. 64]. Охотники, воины, землепашцы боялись разбудить злые силы, поэтому придумывали для значимых реалий другие названия (подставные имена). Издавна у русского населения было запрещено медведя называть настоящим именем. Поэтому, например, в Сибири его называли быком (В.И. Даль). Загадки загадывают для того, чтобы их отгадать. Например: *Течет, течет – не вытечет, бежит, бежит – не выбежит (река)*. Или еще одна загадка: *Махнула птица крылом, покрыла весь свет одним пером (ночь)*.

Загадка – это поэтическое замысловатое описание какого-либо предмета или явления, сделанное с целью испытать сообразительность человека, равно как и с целью привить ему поэтический взгляд на действительность [14, с. 56]. Получается, что загадка – это способ мировидения и мироосмысления [19, с. 61], при котором предметы воспринимаются в определенном аспекте. Предметом загадок выступают вещи и явления, с которыми человек сталкивается в бытовой и профессиональной деятельности. Загадки в инсказательной форме описывают разные предметы. Поэтому в русском фольклоре обнаруживаются типы загадок в зависимости от описываемых в них предметов. Это загадки и о человеке (*полон хлевец белых овец (зубы)*), и об одежде (*пять чуланов, одна дверь (перчатка)*), *об избе (зяб, перезяб в тонких березях (оконное стекло)*), о домашней утвари (*черный конь скачет в огонь (кочерга)*), о животных и птицах (*кто рождается с усами? (котенок)*), о погоде (*лежал, лежал, да в речку побежал (снег)*), о небе и земле (*красная девушка по небу ходит (солнце)*) и т. д.

Стоит отметить, что основной круг предметов и явлений жизни, охваченных в загадке, оказывается одинаковым в русском языке и в родных языках билингов, ср. примеры загадок в телеутском и эвенкийском языках: *Қыр ағашқа қар жүкпейт.*

(*Үйдиң мүҰзи*). – *На кривом дереве снег не держится (Рога коровы) (телеутская загадка); Гудей мб нянняли туксадяран (Серун). – Красивое дерево по небу бежит (Радуга); Бэлэ илитчара. Бэлэдук нуни цэнэдерэн (Дю). – Люди стоят. Из людей дым идет (Дом) (эвенкийские загадки)* [15]. Это подтверждает наличие универсальных способов освоения мира представителями разных этносов.

Обратим внимание на принципы представления признаков предметов, описываемых в форме загадки: 1) метафорическая инсказательность (*красенький петушок по улице бежит (пожар)*); 2) метонимическая инсказательность (*по горам, по долам ходит шуба да кафтан (овца)*); 3) воспроизведение отдельных признаков умалчиваемых предметов (*черенька, маленька, всему свету миленька (черемуха)*); 4) сравнение (*сичу на теме, мала, как мышь, красна, как кровь, вкусна, как мед (вишня)*); 5) сравнение в отрицательной форме (*с длинными косами, а не баба (пон)*); 6) прямой вопрос (*что острее меча? (взор человеческий)*) и др.

Мы уже обращались к понятиям картина мира и языковая картина мира. В рамках последней исследователи выделяют и фразеологическую картину, под которой понимают “представления человека о себе и окружающем его мире, фиксируемые фразеологическими средствами языка и рассматриваемые как явление национально-культурного наследия” [20, с. 51].

Термин “фразеологизм” имеет неоднозначную трактовку. В состав фразеологизмов русского языка одни ученые включают все устойчивые сочетания слов, другие ограничивают перечень фразеологизмов русского языка только определенной группой устойчивых словосочетаний. У одних ученых во фразеологию языка попадают пословицы, поговорки, присловья, крылатые слова, афоризмы, у других – не попадают.

В нашей работе под фразеологической единицей (или фразеологизмом) понимаем “относительно устойчивое, воспроизводимое, экспрессивное сочетание слов, обладающее (как правило) целостным значением, напр. *бить баклуши, держать ухо востро, не видно ни зги*” [21, с. 5; 22; 23, с. 7].

Роль фразеологизмов в речи человека огромна: они вносят в нашу речь образность, делают ее более яркой, позволяют “довольно экономно выражать сложные понятия, представлять сложные явления жизни” [24, с. 8]. И вместе с тем они доставляют немало забот тем, кто изучает как родной язык, так и чужой язык. Как отмечает в своей работе Ю.А. Гвоздарев, изучение фразеологии – “высший этап овладения языком” [24], и дается он нелегко. Дело в том, что в устойчивых сочетаниях слова приобретают особые значения, что требует

запоминания фразеологизмов целиком: нужно запоминать и их словесный состав, и их значение. Также необходимо “знать ситуацию, в которой можно употребить то или иное сочетание, понимать образную основу, заложенную в нем” [24].

Следовательно, фразеологизмы представляют собой национально специфические единицы языка, аккумулирующие культурный потенциал народа [15; 21]. Способность идиом отражать и хранить материальную и духовную жизнь народа-носителя позволяет не только глубже изучить и осмыслить историю языка, но и выявить ритуалы, традиции, обычаи, положенные в основу наименования идиомы. Доказать этот тезис можно на примере русских фразеологических единиц: *гол как сокол* и *прийти к шапочному разбору*, вспомнив их значение и историю происхождения.

Гол как сокол – так в русской культуре говорят о человеке бедном, ничего не имеющем [21, с. 237–238]. Словом “сокол”, с ударением на последнем слоге, раньше называли орудие, использовавшееся как таран – бревно, окованное железом, или чугунный брус. Русские воины таким образом долбили стены осажденных городов. Сокол навешивали на железных цепях и, раскачивая, прошибали им крепостные ворота или городские стены. Голым в Древней Руси называли не только разделого человека. Гладкое бревно, очищенное от веток и окованное железом, вполне подходило под старо-русское определение “голового” (ср. значение синонимичного фразеологизма *гол как осиновый кол* – о крайней степени бедности).

Прийти к шапочному разбору значит опоздать, явиться тогда, когда уже все закончилось. Выражение “шапочный разбор” исконно русское и возникло давно. Связано оно с церковными обычаями: в церковь в головном уборе входить было нельзя. Приходя на церковную службу, люди оставляли головные уборы у входа. Когда служба заканчивалась, они разбирали свои шапки. А вот тот, кто опаздывал на церковную службу, тот и приходил к шапочному разбору, то есть то, ради чего он явился, уже закончилось.

Вообще, со словом *шапка* в русском языке связано немало идиоматических выражений: *аршин с шапкой* – о человеке небольшого роста (чаще о детях, подростках); *дать по шапке* – сделать выговор кому-либо, наказать; *ломать (ломить) шапку* – угодничая, унижаться, пресмыкаться, раболепствовать перед кем-либо; *на воре и шапка горит* – своим волнением, необычным поведением кто-либо всегда выдает себя; *получать (получить) по шапке* – подвергаться наказанию за проступок, быть уволенным с работы, получить выговор; *по Сеньке и шапка* – кто-либо достоин того, что за-

служивает, имеет; *снимать (снять) шапку* – преклоняться перед кем-либо, чем-либо, благоговеть, испытывать почтительное уважение к кому-либо, чему-либо; *с шапкой по кругу* – о сборе средств, пожертвовании на что-либо; *тяжела шапка Мономаха* – о трудности в управлении государством; *шапками закидаем* – хвастливое выражение: что-либо удастся сделать легко и быстро; *шапку в охапку* – быстро собравшись, уйти, отправиться куда-либо; *шапочное знакомство* – поверхностное, беглое знакомство с кем-либо и др. [23]. Такое большое количество фразеологизмов объясняется тем, что шапка на Руси издавна была широко распространена во всех слоях общества, считалась обычной вещью, и поэтому оказывалась частым атрибутом для сравнения.

Подведем итоги. Проблема языковой картины мира тесно связана с проблемой концептуальной картины мира: если концептуальная картина отражает специфику человеческого бытия, то языковая картина эксплицирует различные картины мира человека, тем самым отображая общую картину. Языковая картина мира одновременно универсальна и национально-специфична. Национальное своеобразие видится в наличии или отсутствии тех или иных концептов, их ценностной иерархии, в системе связей между ними.

Рассмотренные нами языковые универсалии, представляющие малые жанры народного творчества, играют важную роль в процессе межкультурной коммуникации, обеспечивая взаимопонимание между языковыми коллективами. Знание и владение лексическими ресурсами, имеющими яркую национально-культурную специфику, как пишет М.Дж. Тагаев, “помогает каждому из нас легко включаться в свое национальное сообщество, адаптироваться к окружающему миру” [25].

Литература

1. Тагаев М.Дж. Диалог языков и культур: на материале функционирования и взаимодействия культурно-языковых пространств киргизского и русского языков / М.Дж. Тагаев. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2015. 240 с.
2. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. Заведений / В.А. Маслова. М.: Академия, 2001. 208 с.
3. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: пер. с нем. / общ. ред. Г.В. Рамишвили; Послесл. А.В. Гулыгин и В.А. Звезгинцева / В. фон Гумбольдт. М.: Прогресс, 2001. 400 с.
4. Байдуков Г.М. Согласование в пространстве и времени разных типов этнических языковых картин / Г.М. Байдуков // Картина мира: язык, литература, культура: сборник научных статей /

- отв. ред. М.Г. Шкуропацкая. Бийск: РИО БПГУ им. В. М. Шукшина, 2005. С. 17–21.
5. Тагаев М.Дж. Культурно-языковые архетипы национальной ментальности как регулятивы социального поведения личности / М.Дж. Тагаев, Б.Т. Борчиева // Вестник КРСУ. 2017. Т. 17. № 4.
 6. Картина русского мира: образы языка в дискурсах и текстах / Т.Л. Рыбальченко, З.И. Резанова, И.В. Тубалова и др. / ред. З.И. Резанова. Томск: ИД СК-С, 2009. 356 с.
 7. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е.С. Кубрякова. М., 1997. 327 с.
 8. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии: учебное пособие / А.Т. Хроленко. М.: Флинта, 2016. 184 с.
 9. Языковая картина мира телеутов: монография / Л.А. Араева и др. Кемерово: КГУ, 2016. 237 с.
 10. Шведова Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над “Русским синтаксическим словарем” / Н.Ю. Шведова // Вопросы языкознания. 1999. № 1. С. 3–16.
 11. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография / Ю.Н. Караулов. М.: Наука, 1976. 356 с.
 12. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В.Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. М., 1999. С. 13–24.
 13. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 682 с.
 14. Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор / В.П. Аникин. М.: Учпедгиз, 1957. 240 с.
 15. Юктэ: Эвенкийские загадки, пословицы, поговорки, приметы / сост. Е.Ф. Афанасьева. 2-е изд., доп. Улан-Удэ: Бэлиг, 2005. 88 с.
 16. Завьялова Е.Е. Приметы как фольклорный жанр: опыт систематизации / Е.Е. Завьялова // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 2. С. 187–193.
 17. Тонкова Е.Е. Народная примета с позиций лингвокогнитивистики и лингвокультурологии: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е.Е. Тонкова. Белгород, 2007. 189 с.
 18. Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян: монография / отв. ред. чл.-корр. АН СССР К.В. Чистов / А.К. Байбурин. Л.: Наука, 1983. 188 с.
 19. Жуков К.А. Языковая картина мира современной русской загадки / К.А. Жуков // Вестник Новгородского государственного гуманитарного университета. 2009. № 51. С. 60–63.
 20. Веренич Т.М. Черты национального характера во фразеологической картине мира: на материале французского и русского языков / Т.М. Веренич // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы Междунар. науч. конф. (г. Москва, май 2012). М.: Ваш полиграфический партнер, 2012. С. 51–53.
 21. Мокиенко В.М. Правильно ли мы говорим по-русски? Поговорки: что мы о них знаем, откуда они пришли, как их правильно понимать и употреблять / В.М. Мокиенко. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2016. 317 с.
 22. Мокиенко В.М. Загадки русской фразеологии / В.М. Мокиенко. М.: Азбука-классика, Авалонъ, 2005. 257 с.
 23. Фразеологический словарь русского языка / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков и др. М., 1987. 543 с.
 24. Гвоздарев Ю.А. Рассказы о русской фразеологии: книга для внеклассного чтения учащимися старших классов / Ю.А. Гвоздарев. М.: Просвещение, 1988. 192 с.
 25. Тагаев М.Дж. Культурно-языковые архетипы национальной ментальности как регулятивы социального поведения личности / М.Дж. Тагаев, Б.Т. Борчиева // Вестник КРСУ. 2017. Т. 17. № 4. С. 164–170.